

фото Анна Prokulevich

Сергей Лозница

украинский режиссер и сценарист, наиболее известен своими документальными фильмами, основанными на использовании архивной хроники. Фильмы «Блокада» (2005), «Аустерлиц» (2017), «День Победы» (2017), «Процесс» (2019), «Естественная история разрушений» (2022) являются попыткой исследования и преодоления самого языка, используемого для описания и понимания истории XX века.

Сергей Лозница
Меня интересует все, что связано
С ЯЗЫКОМ

Sergei Loznitsa
I'm Interested in Everything Related to Language

Despite the huge scope of creative activities, the Ukrainian director and screenwriter Sergei Loznitsa is best known for documentary films based on archival chronicles. The films *SIEGE* (2005), *AUSTERLITZ* (2017), *VICTORY DAY* (2017), *TRIAL* (2018), *STATE FUNERAL* (2019) and now *THE NATURAL HISTORY OF DESTRUCTION* are an attempt to peer into and to overcome the very language used to describe and comprehend history. In the midst of Russian military invasion of Ukraine, we talk about how to deal with the terrible shadow of the past and how to talk about it at all.

Расскажите о проекте, который в 2022 году готовится к показу на Канском фестивале?

Эта картина, которую я задумал еще в 2018 году, называется *ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ РАЗРУШЕНИЙ*. Деньги на нее мы собирали три года, я начал работу в октябре 2021-го, и так получилось, что картина стала очень актуальным размышлением, потому что мы все переживаем шок от того, что творит российская армия в Украине.

Фильм вдохновлен эссе Винфрида Зебальда, которое в русском переводе так и называется, а немецкое его название – *LUFTKRIEG UND LITERATUR* (Воздушная война и литература). Эссе и, соответственно, мой фильм – о восприятии разрушений немецких и не только городов в результате бомбардировок Второй мировой войны. Конкретная история – это уничтожение с 1940 по 1945 годы городов Германии, но у меня есть и история уничтожения британских городов, потому что это паритетная история взаимного обмена бомбовыми ударами. И, конечно, с точки зрения мирного населения уже не важно, кто первый, а кто второй применил бомбардировки.

Оттолкнувшись от Зебальда, я собрал достаточно внушительный архив. Как на это смотрят с разных точек зрения, и как на это смотрят немцы? Ведь и сегодня, как мы видим, любые армии, владеющие таким оружием, допускают использование подобных решений в военных конфликтах. Допускают как идею, что можно прилететь, разбомбить, стереть все с лица земли вместе с мирными жителями просто потому, что у нас война. Это разрушение городов

при помощи серьезных технических средств, использование мирного населения как ресурса войны, идущее с начала XX века, когда такие возможности появились. Тогда же родилась и была «успешно» реализована идея ковровых бомбардировок. До сих пор непонятно, как к этому относиться, как с этим быть, как это вообще влияет на общество. Важно, что сама идея допустима, что к ней можно достаточно спокойно относиться и даже иметь возможность воплотить. Такой рефлексии я еще не помню.

Многие Ваши фильмы пугающим образом рифмуются с современностью, тот же БАВИЙ ЯР. КОНТЕКСТ. Насколько я помню, одна из мыслей Зебальда заключается в том, что ужас этих бомбардировок имеет такую силу, что полностью на десятилетия вытесняет события из сознания, из литературного творчества и даже из культуры, авторы очень долго молчат об этом.

Да, и даже потом к этому отнеслись как к возмездию, т. е. как к чему-то допустимому. И это тоже вопрос, насколько это отношение справедливо.

Тема нашего альманаха – что делать с тем, с чем ничего невозможно сделать? Вот как получается – вроде бы надо изучать историю, но на самом деле в момент происхождения она не дает себя изучать, просто шокирует, а потом тоже не учит, потому что превращается в нагромождение каких-то объясняющих моделей, пропагандистских штампов, мифов и т. д. Есть ли выход из этого замкнутого круга?

Я не считаю, что история ничему не учит. Просто люди, которые принимают решения, часто не учатся, просто не обладают необходимыми знаниями, поэтому история им и не помогает. Ведь то, с чем мы сталкиваемся, уже происходило. И к этому когда-то как-то относились. Почему, когда сейчас говорят о коллективной вине русских, никто не хочет прочесть работу Карла Ясперса, философа, давшего само это определение – «коллективная вина», и его очень важную книгу ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ, где он разбирает все аспекты? Я очень рекомендую ее всем, потому что работа проделана и знание предложено людям! У Ханны Арендт тоже есть статья О КОЛЛЕКТИВНОЙ ВИНЕ. Читая сейчас комментарии по этому поводу, я понимаю, что люди просто не знают, как использовать это понятие, они его используют, как хотят. Но это совершенно не соответствует разработанной концепции.

История не учит, если осталась не выполненной определенная работа. Например, фильм БАВИЙ ЯР. КОНТЕКСТ вызвал в Украине

категорическое неприятие со стороны некоторых историков и деятелей культуры по простой причине: никто не захотел исследовать это время так, как это сделали Тимоти Снайдер, Джон-Пол Химка или даже Карел Беркхоф – это все западные исследователи, имеющие возможность говорить правду до конца. Никто не потрудился переосмыслить произошедшее и сказать, что вот это мы должны принять как знание, как факт истории, и отнестись к нему соответственно. Может быть, проведение этой работы лишило бы сегодняшнего врага основы для пропаганды в том виде, в каком она сейчас ведется. Конечно, они нашли бы что-то другое, но уже не было бы заявлений про денацификацию и прочую чушь. Но, так как вся эта история была оставлена без должного внимания, и никто к ней не прикасался, теперь эти ребята ловко ухватываются и крутят веревочку.

Что самое главное не произошло? Когда Советский Союз рушился, необходимо было сразу же переформатировать язык. Ведь язык и все представления остались еще те. Никто этого усилия не совершил. Причины войн находятся в исчерпанности пространства возможностей. Но эти пространства необходимо открывать, и прежде всего это делается в культуре, которая сегодня представляет 25-й интерес для власти и большей части населения. Но на самом деле это очень важно. Поэтому мы имеем повторения. Почему я, делая картины уже о 80-летнем прошлом, попадаю в настоящее? Потому, что это прошлое не было отрефлексовано и осмыслено. Потому, что не было никакого суда за то, что совершала советская власть. Почему не были осуждены все те, кто принимал участие в травле украинского народа голодом? Почему даже их имена не названы? Я не знаю такого большого судебного разбирательства на всю страну, где были бы названы имена всех тех, кто отвечал за это. Очень просто занять позицию, что все решения принимала Москва, что она все сюда спускала, оккупанты и так далее. Но почитайте воспоминания! Да, конечно, оккупанты и советская власть, но сколько из них было с украинскими фамилиями? И как люди относились к происходящему? Мои родственники в Киеве спасли девушку, они могли спасти только одного человека и взяли ее просто с улицы, где она лежала уже опухшая. Но как к голодающим относились другие горожане? Вся эта история не так проста, чтобы объявить кого-то одного ответственным и на этом успокоиться. Это сложная история. Есть прекрасные книги, описывающие, как долго власти пытались разделить крестьян, какие принципы были использованы, как совершали провокации и как добивались того, чтобы одна часть деревни принимала участие в раскулачивании другой части, таких же крестьян. Их же руками делали черную работу, и за этим тщательно следило НКВД, которое вовсе не полностью состояло из «понаехавших» из других регионов. Так что надо разбираться серьезно, а не только

сносить памятники советским лидерам. Необходим процесс, где все было бы названо своими именами. Пусть это будет длиться десять лет, пусть двадцать. Я как-то присутствовал в Италии на процессе по поводу случая 450-летней давности: кто кого убил из двух семей. Был полный зал. Представляете, насколько это важно? Потому что это очень глубоко укоренившаяся культура памяти.

Или вот культура беспамятства. Я приведу пример. Под Киевом есть такое место, где расстреливали, в т. ч. поляков, привезенных из Катыни. После того, как Советский Союз рухнул, в 1990-е годы, а то и позже, там начали проводить раскопки. Когда я занимался Бабьим Яром, то интересовался всеми преступлениями советской власти и общался с человеком, руководившим этими раскопками. Когда-то он был главным военным прокурором Киева. Он рассказывает, что поляки нашли имена и через ДНК-тест идентифицировали каждого, положили кости каждого отдельно в гроб, написали имена и так похоронили. Но в захоронении были и граждане СССР, украинцы, киевляне или кто тогда был арестован и попал в эти расстрелы в Киеве. Вот их всех вместе перезахоронили, не дали никаких денег на идентификацию, ничего. И вот написаны имена поляков, а у нас братская могила. Это вопрос сознания!

Вы говорите, что работа не проведена, но все же отчасти она проведена. В конце 1980-х – начале 1990-х были сказаны все правильные слова, подписаны все меморандумы, опубликованы миллионными тиражами книги про Вторую мировую войну. Да, среди них есть много всякого мусора, но есть и большое количество хороших исследований. Сегодня, если кто-то заинтересован в том, чтобы узнать что-то объективное, он обязательно найдет нужные данные. Но почему же это не востребовано, почему все предпочитают сладко погружаться в какие-то глупые схемы и не хотят вдумываться, вглядываться в это прошлое? Почему накопленное не срабатывает?

Что значит «работа проведена»? Дело в том, что для того, чтобы адекватно отнестись к той трагедии, которая свершилась и продолжается, необходимо провести судебный процесс. Это должно быть осуждено так же, как был осужден национал-социализм на Нюрнбергском трибунале. Правда, и он происходил по договоренности: его организаторы не рассматривали начало Второй мировой войны, поскольку одна тоталитарная держава была в числе победителей. Такой процесс должен был пройти в каждой стране, но, кажется, это нигде не случилось в том объеме, чтобы расставить все точки над і. Вовлечение в этот процесс требует ресурсов, но это очень важно, ведь вовлеченными должны были бы стать все граждане страны, это затрагивает каждого.

Этого не произошло, поэтому теперь в России гадают: Сталин – это величайший менеджер или палач и мерзавец?.. И начинается обмен мнениями. Но судебный процесс – это не обмен мнениями, а окончательное осуждение. Я уже не говорю о том, что не были осуществлены важнейшие акты экономического порядка. Аморально перераспределять награбленное, а ведь именно это и происходило. Большевики отняли все, что могли, у бывших владельцев, и сейчас не легитимна ничья собственность. Это как-то очень легко обошли. Никто не хотел заострять на этом внимание, новая власть совершенно не была в этом заинтересована. Было важно только свалить КПСС. Кроме трех Балтийских республик, где началось мощное национально-освободительное движение, для которого КПСС и КГБ были одинаково чуждыми, поэтому их удалось выставить за дверь. Только трем странам удалось воссоздать свои экономики на других принципах сосуществования, вырваться из лап как советского прошлого, так и из лап тех, кто захватил власть в Москве и стал правопреемником Советского Союза. Украина под мощным влиянием Москвы не стала исключением. У нас эта работа тоже не была проделана, поэтому мы и пожинаем плоды безжалостного распада этого отвратительного монстра, и я не знаю, чем еще это обернется для мира. Там все настолько аморально, что ожидать можно чего угодно. Поэтому я, делая фильмы о прошлом, делаю их на самом деле о настоящем, потому что проблемы прошлого так и не были решены.

Возвращаясь к творчеству, какова внутренняя логика выбора тематики Ваших фильмов? Блокада, Аустерлиц, Государственные похороны, День победы, Процесс... Наверно, это зависит не только от наличия материала, но еще и отражает Вашу позицию?

Блокада – меня как раз впечатлил материал, который я увидел. Я построил картину совершенно по-другому, чем те фильмы, которые прежде делались каждый год на Ленинградской студии документальных фильмов. Исключением являются произведения Павла Когана и Александра Сокурова, может быть, еще пара фильмов, но остальные – это просто парадные портреты того, как «мы страдали и страданием заслужили победу». Это все понятным образом ложится на миф о страдании, но не имеет никакого отношения к порядку событий, приведших к трагедии. Потому что мы знаем, что ответственность лежит не только на тех, кто окружил город и в начале блокады безжалостно его расстреливал, но и на тех, кто не побеспокоился о том, как кормить горожан, а только беспокоился, чтобы танки Кировского завода были на передовой и перемещались за линию блокады на большую землю. То есть танки двигались, а хлеб в обратную сторону – не очень. Так что это также ответствен-

ность советской власти. Они цинично относились и относятся к людям как к ресурсу.

Следующая картина – Процесс. Я давно занимаюсь этой темой и еще буду делать игровую картину о сталинском периоде. Я увидел в интернете фрагменты одной из покаянных речей. Меня настолько поразило несоответствие того, что я вижу, тому, что я слышу, что захотелось найти весь этот материал. И судьба мне улыбнулась. Помимо самого 40-минутного фильма Якова Посельского 13 дней. Дело Промпартии, снятого в 1930 году, я совершенно случайно, благодаря интуиции или подсказке свыше, нашел в Красногорском архиве материал, снимавшийся для этого фильма. Он не был уничтожен, но нигде не было написано, что это именно тот материал. Я его нашел. Так удалось воссоздать весь процесс.

Это был переломный момент, когда Сталин использовал шоу для того, чтобы убедить людей. Он показал им фокус, и ему тем самым удалось убедить массы в том, что он прав. Не могут же эти благородные, уважаемые всеми люди врать! На этом все строилось. И ему удалось показать, что да, существует заговор, благодаря которому мы живем так плохо, и сейчас нужно очистить ряды, натравив одних на других. И начались повсеместные процессы! Так что это ключ – этот процесс, который ему действительно удался. Ведь были и предыдущие, удавшиеся не очень. Это такой поворотный момент, в т. ч. и в пропаганде, в использовании визуального, театрального для целей пропаганды. Меня в этом смысле интересует не только сам факт, но и язык, форма.

Так и в других картинах. Фильм о сталинских похоронах – это уже последствие. Я вообще хотел сделать фильм о советском ритуале похорон. Строго говоря, ритуал начал формироваться еще до советской власти. В 1917 году проходили похороны жертв Февральской революции (они до сих пор на Марсовом поле лежат) – это первые ритуалы обновляющейся России. Дальше Сталин это подхватил и сделал культом. Тем своим соратникам, вроде Кирова, кого он убивал, он устраивал пышнейшие похороны. И этот материал не востребован. Есть съемка 40 минут похорон Кирова. Потрясающе! То же самое по Дзержинскому. Никто не использовал. Может быть, в будущем... Точно также поступили с похоронами самого Сталина. Но, когда я увидел такое количество материала – там около 70-ти часов только похорон Сталина –, я туда запрыгнул и осознал, что в этом всем можно увидеть суть режима, суть этой новой религии, а также начало распада государства, построенного тираном. Поэтому я сделал эту картину.

Дальше, как обычно – следующий фильм вырос из предыдущего. Я делал Бабий Яр. Контекст и случайно нашел материал киевского процесса 1946 года, фрагменты которого там использую. Сейчас я сделал фильм полностью по этому процессу. Скоро будет премьера на одном из фестивалей.

Следующий вопрос по поводу эмоций, возникающих при просмотре Ваших фильмов. Мы периодически смотрим их со студентами. Сначала это воспринимается как некий аттракцион, мол, история – вот она, совсем рядом! Хорошее качество картинки и звука порождает погружение. А вот потом, через несколько минут, эмоциональное восприятие у всех уже очень разное. А как бы Вы посоветовали смотреть на это единое, на историческую ткань, на ужас, который мы понимаем, но одновременно видим просто идущих по улице людей. Как к этому стоит относиться?

Я не могу никому советовать, как смотреть. Это вне моих возможностей и тем более желаний. У каждого индивидуальный взгляд, он же порождает мир вокруг него. Мир вообще не существует, пока он не наделен этим взглядом. Мира нет. Я имею в виду взгляд как представление. Существует ли звук падающего дерева в лесу, в котором никого нет?.. Простой физический ответ – нет, не существует этого звука. Если вас там нет, то акустические волны просто рассеиваются в пространстве. Они никогда не звучат таким образом, как вы слышите. Так вот, без индивидуального взгляда ничего не существует. А так как он индивидуален, то все, происходящее в восприятии другого, мне недоступно. Мне доступно только то, что происходит в моем восприятии и то, о чем мы договорились. Вы знаете, наше восприятие дуалистично. С одной стороны, мы что-то воспринимаем через органы чувств, с другой – пытаемся описать это при помощи языка. Хотя язык нас ограничивает, не все можно описать, но на нем можно договориться!

Фильм об уничтожении немецких городов – тоже фильм про взгляд, про мгновение, которое мы не можем описать. Когда мы не можем говорить, мы безмолвствуем, потому что не имеем возможности разъединить ментально части целой картины. Картина превращается в один общий блин. Например, водопад: описывая это явление, вы не можете его разъединить, не говорите об отдельных каплях, падающих друг на друга. Вы воспринимаете его целиком, со всем тем, что охватывают солнечный свет и струи воды. Точно также и процесс бомбардировки, снятый со стороны самолета: при просмотре вы вообще не можете сказать, что это такое, хотя весь ужас и все впечатление получаете от знания последствий, это все существует как единое целое. Этот фильм существует между движениями во взгляде. От неразъединимого, воспринимаемого как цель, к отдельным элементам вселенной.

Я думаю, что сами эти процессы всеобщего уничтожения связаны с истощением возможности предыдущих структур. Это не значит, что кто-то над этим специально думает и этим управляет. Нет, это происходит в силу внутреннего течения. Эта мысль существует в картине, которую я сделал, и хотя она и не имеет прямой отношения к разрушению Германии и немецких городов, но она косвенно возникает как единый закон, порождающий войны. Закон, кото-

рый очень трудно ухватить, если описывать его только внешними факторами.

Что привлекает Вас в творчестве Винфрида Зебальда, к которому Вы в очередной раз обращаетесь?

Я впервые купил его книгу в 2010 году, когда был на минском фестивале «Лістапад». На площади, где Ленин «стоит на турникете», я спустился в подземный торговый центр. Там был книжный магазин, и в разделе уцененных книг лежал Аустерлиц Зебальда. Я купил и там же, в Минске, прочитал. Я открыл для себя большого писателя. Ведь он затрагивает ту же тему: как нам хранить эту память, как к ней относиться? Потом я совершенно случайно – мы просто мимо проезжали и решили посетить – попал в Бухенвальд. Я был поражен тем, насколько эта книга ко мне вернулась, и подумал, что могу сделать об этом фильм.

Меня интересует все, что связано с языком – языком кинематографа, общения, языком музеев. Музейный текст, экспонаты, то, каким образом это представлено, как об этом говорится – это все язык, способ передачи чего-то. И когда мы попадаем в такие сложные обстоятельства или трагические места, где начинаешь неметь от того, что там происходило, на этом фоне становится отчетливо виден язык, который проступает как скелет: вы видите оголяющиеся кости, видите, где он по какой-то причине беспомощен, а где просто лжет и это такая форма лицемерия.

Очень сложно в какие-то моменты быть искренним. Есть просто обязательства. Это еще у Пруста рассмотрено. Например, вы появляетесь на похоронах кого-то, кто не был вам близок, но вы должны сказать определенные правильные слова. Но вы не переживаете, и слова – это просто слова, они не являются частью вашего душевного переживания. Обстоятельства таковы, что вы обязаны это сделать. Вот что-то такое происходит в этих местах. Я уже не говорю, когда люди, вообще далекие от темы, не понимают, куда они, собственно, пришли. И вот само это место, связанное со смертью, одним из самых сильных природных переживаний, сейчас освобождено как от религиозного мировоззрения, так и от художественного творчества, некогда помогавших смириться с мыслью о смерти. Там представлены исторические факты, но все равно речь идет о сильнейшем, интенсивном переживании, которое без какого-либо переосмысления дается на откуп тем, кто туда приходит. Без ритуала, без чего-то, что помогало бы понять, как себя вести, как сохранять достоинство перед лицом этого переживания. Не все же знают, как с этим быть, не все готовы. Люди оказываются бес-
сильны.

Я там все время вспоминал индийский храм богини Кали, богини смерти. То, как вы проходите в этот храм – там все основано на физиологии: вы должны идти босиком, должны стоять в длинной очереди, вы заходите через туннель, под ногами у вас кровь животных, т. е. это что-то физическое, тактильное, что вводит вас в определенное состояние. Я не предлагаю это переносить – это конечно совсем другая культура, там мощная религиозная традиция, но просто как пример подхода.

Так что я бы подумал, как необходимо одеваться, когда вы идете посещать бывший концлагерь. Необходимо как-то выражать свое уважение памяти. Но люди совершенно об этом не думают, у них нет никакого ориентира. Обычно ориентир всегда задавался элитой, как, например, в англосаксонском мире, где чтут традиции, иерархию ценностей. А здесь все как-то не продумано. Ведь эти мемориалы появлялись один за другим еще в 1960-х годах, с одной стороны как доказательство того, что это было, с другой стороны как элемент политического высказывания, чтобы никого не могли ни в чем обвинить. То есть это было связано с определенной целесообразностью. Раньше таких мемориалов не было, и это тоже, кстати, интересный пункт для рассмотрения.

Дальше, после того как пал железный занавес и идеология отошла в сторону, отношение к этому должно было как-то измениться, но, на мой взгляд, эти мемориалы существуют по инерции. Вы можете узнать, как был устроен лагерь. Это важная информация? Наверно, для тех, кто хотел бы этот лагерь потом у себя устроить. Много и другой «полезной» информации. Я, конечно, иронизирую, это должно быть, но, с другой стороны, важно то, как об этом говорится, т. е. это тоже вопрос языка. У меня все время крутилась мысль: почему там нет ничего, что говорило бы нам о том, каким образом вести себя в этих обстоятельствах? Как мне действовать, когда мародерствуют на улице, когда кого-то линчуют? Как быть во время погрома? Что делать, если я хочу его остановить? Ведь наверняка существует целый ряд практик. Почему бы ими со мной не поделиться? Как быть в ситуации, когда ты попадаешь в концентрационный лагерь? Каким должно быть твое поведение, чтобы сохранить достоинство? Это важные вопросы, но я не могу найти ответов. Интересный ответ я услышал от одного экскурсовода. Он говорил, что «те, у кого была надежда, они, как правило, не выжили». Т. е. первое, что необходимо сделать – забыть, что ты можешь отсюда выйти. Любая надежда губительна. Вот такая серьезная рекомендация. Но остальные экскурсоводы не были с ним согласны...